

Он не хотел отказываться от красоты Шао Жу и одновременно желал получить выгоду от семьи Ань. Эти две причины заставили её убедиться, что Цзян Чэнъянь способен устроить такую сложную интригу.

Ань Тун, вероятно, уже знала о связи Шао Жу и Цзян Чэнъяня, но не говорила об этом, чтобы не спугнуть их, и твёрдо настаивала на расторжении брачного договора. Староста Ань тоже знал, что Цзян Чэнъянь не ценит Ань Тун, и, судя по его возможностям, он мог защитить Ань Тун от козней Цзян Чэнъяня.

Раз уж семья Ань и Ань Тун всё знали и понимали, ей, казалось, не нужно было больше упоминать об обидных словах Цзян Чэнъяня, ведь она не хотела, чтобы Ань Тун снова потеряла сознание.

В одном из уголков Дома Цзиньлань слуга Ма Шаоканя вынес измученную девушку из двора. Лекарь Дома Цзиньлань, увидев это, покачал головой и отнёс ей лекарство.

Ма Шаокан привёл себя в порядок, нанёс ароматическую мазь на волосы, глядя в бронзовое зеркало. Внезапно дверь открылась, и он, увидев отражение, улыбнулся:

— Брат Цзян, ты опоздал.

Пришедший был Цзян Чэнъянь, но на этот раз он выглядел не как обычно, мягкий и утончённый, а скорее как ветреный и элегантный. Он окинул взглядом беспорядок в комнате и сказал:

— В это время прийти — значит не испортить твоего настроения, не так ли?

Ма Шаокан вымыл руки и подошёл к Цзян Чэнъяню:

— Настроение уже испорчено, после того как пришёл Сюй Сань.

Цзян Чэнъянь не удивился, ведь слуга Ма Шаоканя уже сообщил ему о прибытии Сюй Саня, включая то, что он пришёл с Ань Тун.

Ма Шаокан предложил ему сесть, но Цзян Чэнъянь, глядя на стол со свечами, не спешил занимать место. Ма Шаокан смахнул всё со стола и засмеялся:

— Теперь это не испачкает твой взгляд, брат Цзян.

Цзян Чэнъянь сел и спросил:

— Что сказала семья Ань?

— Семья Ань, кажется, хочет только защитить Сюй Саня, но он мог выдать тебя, брат Цзян. Однако я не могу понять, почему семья Ань вмешалась! — сказал Ма Шаокан.

— Почему вмешалась? Как я и предполагал, у Ань Тун должен быть компромат на Сюй Сянжу, поэтому семья Ань и выступила вперёд! — нахмурился Цзян Чэнъянь.

— Что за компромат может быть у Ань Тун? — не понял Ма Шаокан.

Цзян Чэнъянь усмехнулся, и на его лице появилась многозначительная улыбка:

— Ань Тун — это слабое место Ань Дэ и Ли Цзиньсю, и компромат на неё — это компромат на

семью Ань.

Ма Шаокан налил себе чашу вина, выпил и покачал головой:

— Брат Цзян, по-моему, тебе стоит просто жениться на Ань Тун, тогда всё богатство семьи Ань будет твоим, разве это не хорошо?

— Я делаю это не ради богатства семьи Ань, я просто хочу избавиться от судьбы, которой они меня управляют! — лицо Цзян Чэнъяня исказилось от боли, это было чувство, которое мучило его годами и почти свело с ума!

Цзян Чэнъянь вздохнул:

— Если бы они не давили на меня, я бы никогда не стал этого делать.

Ма Шаокан с восхищением и завистью сказал:

— Брат Цзян, ты благороден! Если бы я мог быть таким же свободным, как ты. Мои дядя и братья жадно смотрят на наследство семьи Ма, это действительно давит на меня, иначе я бы не искал утешения в таких развлечениях!

Вдруг Ма Шаокан вспомнил что-то и неуверенно спросил:

— Брат Цзян, теперь, когда мы не смогли сразу захватить Сюй Саня и спугнули их, что делать? А что насчёт Сюй Яньнея...

Цзян Чэнъянь на мгновение задумался, а затем равнодушно ответил:

— Если он хочет Сюй Сянжу, пусть сам ищет способ!

«Цзян Чэнъянь когда-то искренне заботился о Ань Тун.

Когда их деды заключили брачный договор, он ещё не понимал, что это значит. Но с возрастом он постепенно осознал, что в будущем ему придётся жить с Ань Тун, растить детей и стареть вместе.

Его дед, родители и старшие часто напоминали ему об этом, призывая хорошо относиться к Ань Тун. Глядя на милую маленькую девочку, он, естественно, соглашался.

После смерти деда Ань Тун семья Ань временно оказалась в изоляции и вернулась на родину, и он много лет не видел эту девочку. Если бы не постоянные споры между дедом и родителями о брачном договоре и настойчивые напоминания деда о чести, он, вероятно, совсем забыл бы о ней.

Позже он тоже испытал горечь потери близких и столкнулся с одиночеством. К счастью, его отец смог получить должность чиновника и переехал в Таоцзян, где снова встретился с семьёй Ань.

Люди растут, и мир меняется. Цзян Чэнъянь, достигнув возраста, когда начинаешь понимать любовь, осознал, какой эффект и перемены принесёт его брак с Ань Тун. Однако он испытывал к ней только детскую привязанность, и мысль о женитьбе на ней была для него трудной.

Но будь то уговоры отца терпеть ради семьи Цзян или постоянное давление матери, которая жадно смотрела на богатство семьи Ань и запрещала ему говорить о расторжении договора;

семья Ань считала его зятем и боялась, что он не будет хорошо обращаться с Ань Тун, а друзья и родственники «завидовали» тому, что он, женившись на Ань Тун, получит семью Ань.

Каждый, кто узнавал о его брачном договоре, наставлял его хорошо относиться к Ань Тун.

Постепенно он перестал понимать, были ли это искренние пожелания или насмешки и угрозы, скрытые за завистью. Казалось, если он когда-нибудь предаст Ань Тун, он станет злодеем, заслуживающим смерти!

Когда он очнулся, то понял, что уже загнан в угол, без выхода! Эти чувства мучили его, причиняя невыносимую боль! Ань Тун всё больше отдалялась от его представлений о настоящей любви, и её образ совсем не соответствовал его ожиданиям.

В этот момент замешательства и боли появилась Шао Жу, которая помогла ему понять, что такое настоящая любовь. Рядом с ней он мог забыть обо всех проблемах и почувствовать истинную радость; она также укрепила его решимость взять свою судьбу в свои руки.»

Хотя Сюй Сань был вовремя вытащен из ямы, его дела далеко не закончились. Во-первых, семья Сюй уже была на грани разорения, и он задолжал пятьдесят гуаней. Госпожа Ван из семьи Сюй вынуждена была задуматься о продаже земель, чтобы погасить долг.

Сейчас у семьи Сюй было восемнадцать му земли, из которых пять му хорошей земли можно было продать за тридцать-сорок мин. Но если продать хорошую землю, урожай в следующем году будет под угрозой.

Сюй Сань хотел продать один-два му, чтобы вернуть долги соседям, так как долги перед знакомыми, если их долго не возвращать, могут испортить отношения. Что касается семьи Ань, он надеялся, что они, будучи богатыми, не обратят внимания на такую мелочь, и можно будет тянуть дальше.

Однако госпожа Ван и Сюй Сянжу решили продать землю.

Ань Тун, узнав о решении семьи Сюй, удивилась:

— Вам не нужно спешить возвращать мне деньги. Если вы продадите землю, ваша жизнь станет ещё тяжелее.

Сюй Сянжу спокойно ответила:

— Именно из-за доброты соседей мой отец снова и снова позволял себе ошибаться, думая, что кто-то всегда придёт и исправит его ошибки. Юная госпожа Ань добра и много мне помогала, поэтому он стал ещё более беспечным. Хотя сегодня он поплатился, вряд ли это остановит его от новых ошибок. Лучше продать землю сейчас, чем ждать, пока он снова всё испортит.

В прошлой жизни Сюй Сань увлекался азартными играми и постепенно разорил семью Сюй.

Ань Тун сказала:

— Если уж продавать землю, то продайте её мне, я заплачу хорошую цену.

Семья Сюй продала пять му хорошей земли и пять му плохой, оставив восемь му после слез и раскаяния Сюй Саня. Таким образом, долги семьи Сюй были погашены.

Потеря половины земли, причём пяти му, которые приносили большую часть дохода семьи

Сюй, заставила Сюй Саня осознать, насколько тяжёлой стала их жизнь. Он хотел денег, хотел жить хорошо, но становился всё беднее, и всё это было из-за Цзян Чэньяня и его компании!

Но что он, простой крестьянин, мог сделать против чиновников?

Думая об этом, он чувствовал себя потерянным, виноватым, злым и подавленным, и несколько дней не мог прийти в себя.

<http://bllate.org/book/16381/1482576>